

Сигизмунд Кржижановский

Боковая ветка

*Часть сборника
Тринадцатая категория
рассудка (рассказ)*

Сигизмунд Кржижановский

Боковая ветка

«Public Domain»

Кржижановский С. Д.

Боковая ветка / С. Д. Кржижановский — «Public Domain»,

«Рельсовые стыки отстукивали стаккато пути. Фуражка, свесясь козырьком с настенного крюка, раскачивалась из стороны в сторону, точно пробуя вытряхнуть из суконных висков мигрень. Квантин, отстегнув портфель, вынул газету. Но в чуть тлеющих под потолком угольных нитях было ровно столько света, чтобы мешать спать. Жухлые петиты листа неохотно осмыслялись в слова. Квантин сложил газету и придвинулся лицом к стеклу: сутулые контуры сосен, закрываясь черными распялами ветвей от света, падали в ночь. Было как-то зябко: не то тянуло от окна, не то лихорадило. Квантин попробовал было голову поверх портфеля и ноги под пальто. Но короткая и скользкая ткань свесью рукавов – вниз, и под плечом вздрагивала жесткая доска...»

Сигизмунд Кржижановский

Боковая ветка

Рельсовые стыки отстукивали стаккато пути. Фуражка, свесясь козырьком с настенного крюка, раскачивалась из стороны в сторону, точно пробуя вытряхнуть из суконных висков мигрень. Квантин, отстегнув портфель, вынул газету. Но в чуть тлеющих под потолком угольных нитях было ровно столько света, чтобы мешать спать. Жухлые петиты листа неохотно осмыслились в слова. Квантин сложил газету и придвинулся лицом к стеклу: сутулые контуры сосен, закрываясь черными распялами ветвей от света, падали в ночь. Было как-то зябко: не то тянуло от окна, не то лихорадило. Квантин попробовал было голову поверх портфеля и ноги под пальто. Но короткая и скользкая ткань свесью рукавов – вниз, и под плечом вздрагивала жесткая доска. Лучше встать и дободрствовать. Недалеко уже. Паровоз сиплым и слабогрудным звуком взвыл и оборвал. «Как заблудившийся», – подумал Квантин и приподнялся на локте. Козырек на крюке по-прежнему, но чуть медленнее и раздумчивее, раскачивался с таким видом, как если б под ним были запрятаны глаза. «Если представить себе страну или мир, в котором под тульи шляп, под кожаные подкладки их, иногда – ну, пусть редко-редко – забредали бы так, по соседству, окраинные причерепные мысли, какие-нибудь пустячные мыслишки, отлучки которых из головы в шляпу совершенно незаметны для мышления, то... – мягкий толчок, точно не буферами о буфера, а подушечьим пухом о пух, вдруг остановил поезд, – то (должно быть, семафор)... нет, лучше не вдоль *то*, а по боковой. Если предположить, что самый наш мозг поверх другого мозга, как шляпа поверх головы, что тот внастоящую думающий, подкорковый, раскланивается моим мышлением, приветственно приподымает его при встрече с...» Но впереиз мысли, точно тень опустившегося семафора, и о слух ватным прикосновением:

– Прошу предъявить ваши сновидения.

Квантин приподнял голову. Под кондукторским кантом рыжая борода, сквозь бороду улыбка:

– Будьте любезны, приготовьте ваши сны-с.

Квантин, не понимая, – следуя ритму, не смыслу, – вынул из кармана билет:

– Это?

Щипчики, остро вщелкнувшись в картон, снова в ладонь; снизу голубой круг фонаря – и сквозь выщелкнутые дырочки, как сквозь крохотные оконца, реюющие спутанные нити лучей – пестрые точки, линии и контуры; Квантин, сощурился, пробует взглядеться, но и оконца уже прыгнули в ладонь, голубой фонарь отвернулся и сквозь бороду, вперемежку с улыбкой:

– Торопитесь. Легко прободрствовать. Пересадка.

Квантин хочет спросить – куда и при чем тут сны. Но спина кондуктора уже выскользнула из двери, и вдоль вагонов где-то из-за десяти стенок слышится его веселое: « Попрошу предъявить ваши сновидения ».

Делать нечего. Квантин поднялся и – к выходу. Ноги его как-то ватно легки и пусты, портфель под локтем мягок и упруг, как взбитая к ночи подушка. Ступеньки сводят шаги вниз. Под подошвами теплая земля. В стороне от остановившихся колес – новый состав. Квантин идет сквозь темноту навстречу столбу искр над часто дышащим паровозом. Они бьют радужным костром вверх и опадают гаснущими осыпями к земле. В блеске их вычерчивались очертания трубы. Это старая распялая воронка, круглый лунный кратер, подпертый кривой ногой, напоминающей еще Стефенсоны времена, когда поезда только-только учились ходить, расталкивая поршнями пространство, сонно разлегшееся поперек рельс. И вагоны: под низко осевшими крышами с топорщающимися суставчатыми ступеньками, каких давно уже не строят. « Боковая ветка, – подумал Квантин, – ржавая узкоколейщина, саркофаги на колесах, как бы не заехать

в катастрофу». Но вдоль темного низкокрышья уже скользил голубой глаз фонаря. Свисток на высокой сверчковой ноте проиглился сквозь тьму. Наткнувшись на ступеньку, Квантин схватил подставившийся поручень и впрыгнул в вагон. Лязгнули тимпаным переплеском буфера, и поезд тронулся. Сначала окна вагонного кузова медленно терлись о воздух. Старый паровичок, шаркая паром, казалось, шел сквозь ночь, волоча мягкие ночные туфли, то и дело спадающие с пят. Но постепенно колеса надбавляли скорости; рельсы сматывались с них, как нити с катушек, раскручиваемых быстрями вращением шпудек. Кривые рессоры вагонных кузовов ахали на стыках, из всех щелей шуршал рассекаемый паровозной грудью воздух. Обгоняя ночь, окна скользили уже сквозь голубое предсветье, замахаивающееся вслед бегу колес, сшибом углов и выгибей быстро – до слиянности – мелькающих контуров. Ловя отпрыгивающую от пальцев стенку, Квантин дернул за кожаное ухо стекло, и оно, тонко звякнув, скользнуло вниз. Мягкий тропический влажный ветер ударил в лицо. Мимо поезда в пролазоре в воздухе неслись очертания непривычных глазу деревьев – их стволы, редкими семьями разбросанные по холмам, выгибали свои голые чешуйчатые тела кверху, чтобы там, у вершины, распасться гигантскими зелеными лопастями. «Пальмы», – вместе с ветром скользнуло вдоль лба. Квантин хотел доосознать: как так, среди порослей приболотных ив, зябких берез, наигливейшей хвои, – и вдруг?? Но, казалось, скорость поезда на полумысль, на полуоборот колеса опережала логику. И после этот теплый, крылом о душу, ветер. Вместе с искрами из раскала трубы мимо глаз неслись пестрые стаи птиц, об уши бились их курлыканье и клекот; в раскрытое окно то рушился гул дальнего обвала, то всплеск струн, оторванный ветром от невидимой деки; благоухание неведомых трав, горькое и пряное, врывалось в ноздри; вброшенная ударом голубого воздуха, в вагон впорхнула бабочка и билась смятыми крылышками над подпотолочной сеткой. Квантин узнал узоры ее пыльцы: *ugania ripteus*, притропический вид, не перелетающий и двадцатой параллели. Страница энтомологического атласа, приподнявшись – своими пестрыми подобиями – в память, снова опала под переплетную крышку. И Квантин заметил: скорость поезда убывает. Разгоряченные бока вагона еще раскачивает инерцией, но скрип рессорных дуг ниже и реже; контуры в раме окна четче и медлительнее; под колесами, раздельно стуча стыками, прогудела пустота мостового пролета. Перешелк стрелок, длинный – оборвавшейся нитью – свисток, астматический выдох и вскрик паровоза, и ступеньки вагонов повисли над землей, Квантин отыскал свой сброшенный на пол портфель и, оглядываясь по сторонам, вышел на перрон. Под стеклянными стенами было пусто и беззвучно. «Неужели они везли меня одного», – еще раз разгляделся по сторонам недоуменный пассажир. Никого. Ни души. Ни полдуши. Только протянутая в воздухе плоская рука указывала путь. Квантин прошел, ощущая за собой вытянутый вслед огромный, под голубым лаком, ноготь. Свет был слишком прозрачен для сумерек и слишком смутен для дня. Одиноким пассажир отыскал глазами циферблат: но цифры и стрелы, запрятанные под навес, казалось, были замотаны в траурный креп ночи, и глаз не мог различить часа. Стены смыкались в коридор. Приезжий, еще раз оглянувшись на пустоту, пошел, куда вели стены. Сначала ничего, кроме примкнутых друг к другу камней и бьющего о них шага, потом в дальнюю прорезь туннеля яснеющая проступь. «Скорей бы уж», – Квантин надбавил шаг и увидел: навстречу из-под каменной навеси – большой бумажный плакат. Оставалось поднять голову к буквам:

!ВСЕ НА ТЯЖЕЛУЮ ИНДУСТРИЮ ТЯЖЕЛЫХ СНОВ!

Два черных палицеобразных восклицательных знака сторожили слова, став справа и слева от лозунга. «Лучше вернуться», – но молчание, сомкнувшееся за спиной, толкало дальше. Сердце все скорее и громче – шаги тише и замедленнее.

Внезапно туннель оборвался. Квантин стоял на ступеньках, выводящих на широкую площадь. Вместо каменной навеси над головой теперь голубело небо, а прямо против глаз над озабоченно шевелящимися группами людей, среди брошенных в воздух тросов и паутинно-тон-

ких сетей шевелились, меняя текучие контуры, какие-то причудливые дымчатые массы. Люди работали молча и сосредоточенно. Взбрасываемые вверх нити, лассообразно раскручиваясь, постепенно опутывали дымящиеся бока вливших в площадь громад. Иные из них пробовали было вверх, но сотни рук тянули их вдоль земли, как загарпуненных китов, колышущихся мертвыми спинами среди вспененных волн. Квантин понял не сразу. Лишь когда один из изловленных контуров, случайно выскользнув из сети, всплыл поверх крыши и, подхваченный течением ветра, стал быстро уходить, шевеля прозрачно-перистыми очертаниями, стало ясно: перед ним происходит ловля облаков, густыми стаями плывущих сквозь горы.

Квантин спустился со ступенек и, держась закраин площади, попытался выбраться из сплыва туч. Промысел был в разгаре, все глаза и руки в работе, и никто не заметил фигуры приезжего, осторожно пробирающегося, с портфелем под мышкой, внутрь сети городских улиц.

Сперва Квантин шел, натываясь на выступы и углы домов, затем воздух постепенно размылся, цвета и очертания стали яснее и четче. Прямо перед ним протянулась широкая – под сомкнутыми ветвями деревьев – улица. Одета в тени и свет чуть притушенного солнца, она звала шаги дальше и дальше. Казалось, был день, но все окна – за зажмурью жалюзи и опавшими складками занавесок. На скамьях, поверх мягко подстланных теней, кое-где сидели люди. Изредка попадались неторопливые прохожие. Один из них, с лицом, спрятанным под широкие поля шляпы, прошел совсем близко, почти плечом о плечо. Он дышал длинными выдохами меж коротких вдохов – как дышат в глубоком сне. Квантин хотел повернуть вслед, но в это время внимание привлекло иное: человек, стоя у подножья телеграфного столба, подвизывал к ногам тяжелые металлические хватки. Одежда его для простого чинильщика проводов была несколько необычна. Элегантный фрак, белый жилет и лаковые ботинки, затиснутые в громоздкие полукружья железных привесей; рядом – вместо ящика с инструментами – нотная папка. Квантин, остановившись, продолжал наблюдать. Затянув последний ремень, человек во фраке вщелкнулся сначала одним, потом другим хватом в столб и стал взбираться, медленно переставляя щиколотки, к проводам. Несколько людей, застывших на скамьях, приподняли головы. Два или три прохожих приостановились. Манжета вспорхнула над параллелями телеграфных струн, и металлическое арпеджио прозвучало над улицей. Жалюзи, чуть приподняв зеленые веки, ждали. И музыкант, взмахнув повисшими в воздухе крылышками фрака, запел:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.